Н.Л.Жуковская

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРЕХ РЕЛИГИЙ

(из истории духовной жизни бурятского села Торы)

Торы - среднестатистическое село в Тункинском районе Республики Бурятия. По данным сельсовета, в 1993 г. в нем проживало 1112 человек - не так уж много, но и немало, в основном, буряты, но есть и русские, главным образом, местные, но есть и приезжие. Места вокруг красивые: долина реки Иркут, совсем рядом Тункинские гольцы, за ними в солнечную погоду виден Восточный Саян, с другой стороны к селу подступают отроги Хамар Дабана. В сезон много грибов и ягод. Летом погода переменчива, часто идут дожди. Казалось бы, таких мест в Бурятии немало, но все же именно Торы почему-то притягивают к себе ученых разного профиля: экономистов, врачей, геологов, историков, социологов, фольклористов и, конечно, этнографов. Почти каждый год сюда наведываются в одиночку и группами то бурятские, то ленинградско-петербургские, а то и зарубежные исследователи национальных традиций бурятского народа. Правда, многих привлекает Тунка в целом, однако, и в Торы они частенько заезжают, а если и не заезжают, а всего лишь проезжают мимо, то обязательно обращают внимание на главную достопримечательность здешних мест - белое пятно на склоне гор. Впрочем, об этом ниже. А миновать Торы никак невозможно, ибо находится оно на 50-м километре 226-километрового Тункинского тракта, идущего от Байкала до границы с Монголией. С 1992 г. в Торах начала работу экспедиция Института востоковедения РАН, поставившая перед собой задачу воссоздать комплексный портрет села, отразив его демографическое, экономическое, социологическое, архитек-турное и, разумеется, историко-культурное прошлое и настоящее. В изучении последнего аспекта все приоритеты принадлежат этнографам. Так я оказалась в составе этой экспедиции. Впрочем, впервые я побывала в Торах в 1959 г., еще в бытность свою студенткой Кафедры этнографии МГУ. Память о тех годах у меня не стерлась, завязанные тогда с местным населением деловые и личные контакты сохранились, и потому работать в Торах сейчас мне особенно интересно. Предмет моих исследований - духовный мир села и чрезвычайно привлекательная для религиеведа исторически сложившаяся здесь религиозная ситуация.

© Н.Л.Жуковская, 1995 г.

* * *

Шаманство, буддизм, православие - вот те три религии, переплетение которых образует своеобразный духовный мир села Торы. Однако это не означает, то в Торах живут представители трех конфессий, строго отделенные друг от друга - отдельно буддисты, отдельно православные, отдельно шаманисты. Подавляющее большинство жителей села, даже если они называют себя неверующими (не атеистами, как в былые не столь давние годы, а именно просто неверующими), являются каждый одновременно последователями двух, а некоторые - всех трех религий сразу. В этом нет какой-либо духовной патологии, это естественное состояние человека, выросшего в местности, для которой характерно переплетение нескольких культурных традиций.

Еще сравнительно недавно для обозначения такого явления в отечественной науке пользовались понятием "двоеверие", если речь шла о человеке, и "религиозный синкретизм", если речь шла о культовой практике. Имелось ввиду, что один и тот же человек может быть язычником и, например, христианином одновременно, а то, во что он верит, являет собой неосознаваемую им смесь того и другого. Однако, с моей точки зрения, более правильно говорить о культурно-экологической нише, в которую каждая из традиций вносит свой вклад, участвуя тем самым в создании местного мировоззренческого комплекса и взаимосвязанного с ним образа жизни.

Из трех вышеназванных религий шаманство наиболее древняя. Большинство ученых-шамановедов придерживаются мнения, что шаманство - универсальная религия всего человечества, что в разных формах и под разными названиями оно обнаружено на всех континентах практически у всех народов земного шара (а если у кого-то не найдено хоть каких-либо его следов, значит, плохо искали), что оно существовало уже в неолите, о чем свидетельствуют многие наскальные рисунки и культовый инвентарь, находимый археологами в погребениях той эпохи, а истоки его правомерно искать в палеолите[1]. И потому его не без оснований можно считать самой древней религией человечества, сохранившейся до наших дней.

Не вдаваясь в теоретические споры по вопросу, является ли шаманство религией или мировоззрением, чем отличается шаманство от шаманизма, что такое шаманский комплекс и т.д., отметим лишь то, что представляет с точки зрения данной работы наибольшую важность: 1) за многие тысячелетия своего существования шаманство сильно эволюционировало и несет на себе следы контактов со многими религиозными и просто идеологическими системами; 2) оно не только выжило (порою в экстремальных условиях как традиционно-культурный андерграунд при повальном насильственном атеизме), но и переживает в наши дни, особенно в районах Сибири и Севера, период возрождения.

Что же представляет собой шаманство Торской степи? Это часть традиционной культуры бурят, объединяющая собой культ тотемно-генеалогических предков, предков рода и семьи, духов умерших

шаманов, "хозяев" отдельных деталей ландшафта (гор, рек, озер), обряды переходного периода, особенно погребально-поминальный комплекс, взаимоотношения с шаманами как с медиаторами - посредниками между миром духов и людьми. Относится это, прежде всего, к бурятам - коренному населению Торской степи, для которых мир природы и культуры един, вторая - естественное продолжение первой, человек - результат их взаимодействия и маленькая частица населенного духами мира. Контакты с этими духами повседневны, обычны, в них нет ничего сверхъественственного, просто следует соблюдать ряд правил и запретов, связанных с подобного рода отношениями.

Торы, а также примыкающие к нему села Далахай и Тагархай (от последнего осталось лишь несколько домов, так как его жители давно переселились в Торы, Далахай или Шулуты) образуют единую религиозно-культурную провинцию. Это естественно прежде всего по географическим причинам: центр провинции - это Торская степь, занимающая относительно неширокую долину р.Иркут, ограниченную с севера отрогами хребта Восточный Саян - Тункинскими гольцами, с юга - отрогами хребта Хамар-Дабан. С большой долей вероятности можно говорить о том, что с X-XI вв., а может быть и раньше, здесь уже жили предки нынешних бурят. Пришедшие в Тункинскую долину в XVI-XVII вв. из Монголии хонгодоры, а в XVII-XVIII вв. - русские (казаки, охранявшие границу с Монголией, входившей с конца XVII в. как вассальная территория в состав Китая), существенно не изменили ни этнической карты Торской степи, ни сложившегося здесь религиозного микромира.

Доминирующей фигурой местного шаманского пантеона был и остается до сих пор Буха-нойон. В мифологии бурят он известен также под следующими именами: Бохо-муя, Буха-нойон-бабай, Хан-Богдо-Буха-нойон, Буха-нойон-бабай-ринчин-хан, Ринчин-чжалбо. Это настолько значительная фигура в общебурятской мифологии, что она уже не раз была объектом исследования[2].

Главная среди его мифологических характеристик: он тотемный первопредок булагатов - одного из трех крупнейших племен (два другие - эхириты и хоринцы), образовавших основу бурятского этноса.

Основные сюжетные звенья этого мифа следующие. Бохо-муя, сын доброго западного небожителя Заян-Саган-тэнгри, повздорил с Бохо-тэли, сыном злого востоного Хамхир-Богдо-тэнгри, из-за того, кто из них лучше владеет кузнечным искусством. Оба спустились с небес на землю, превратились первый - в темно-сивого быка Буха-нойона, второй - в пестрого Тарлан-Ээрен-буха, и стали гоняться друг за другом вокруг Байкала. Во владениях Тайжи-хана они наконец встретились и стали бодаться, топча все вокруг. Дочь Тайжи-хана прогнала их, но забеременела не то от взгляда, не то от мычанья Буха-нойона. У нее родился мальчик, которого Буха-нойон признал своим сыном, поместил его в железную люльку на горе, кормил и охранял. Две сестры - шаманки Асыхан и Хосыхан, устроив специальный тайлган (камлание с жертвоприношением) Буха-Нойону, заполучили этого мальчика и дали ему имя *Булагат Буха дорогхо олдогхон* ('из-под быка найденный Булагат'). Когда он подрос, то играя на берегу Байкала, познакомился с другим мальчиком, жившим в береговой щели. Шаманки заполучили и этого мальчика и дали ему имя *Эхирит Ээрен гутар эсэгэ, эрийн габа эхэ* ('Эхирит, имеющий отцом пестрого налима, матерью береговую щель'). От мальчиков ведут свое происхождение бурятские племена булагатов и эхиритов. А.М.Золотарев считает, что Булагат и эхирит - мифологические близнецы-братья, а весь миф о борьбе быков и победе одного из них - отражение универсального близнечного мифа.

Гора в тункинских гольцах, расположенная примерно в 7 км от села Торы и в 3 км от села Далахай, на склоне которой находится белая скала с двумя выступами, осмыслявшимися местными жителями как два бычьих рога, в мифологии Тункинской долины ассоциировалась с местом постоянного пребывания Буха-нойона. Здесь же проводились культовые мистерии в его честь. Почитался он уже не как тотемный первопредок, а как "хозяин" горы и всей прилегающей к ней части Торской степи. Большой тайлган в его честь проводился ежегодно в середине лета, его просили о личном благополучии, о хорошей погоде, о приплоде скота и всем прочем, о чем обычно просят "хозяев" местностей.

Культ Буха-нойона, посещение его горы и совершение тайлгана обставлялись рядом правил и запретов, нарушение которых было нежелательно и сопровождалось некоторыми репрессивными ответными действиями со стороны "хозяина". Перечислим наиболее важные из них: женщинам нельзя подниматься на гору и участвовать в тайлганах, проводимых на белой скале; находясь на горе, нельзя ничего рвать и ломать (это относится к деревьям, кустам, ягодам, грибам и т.д.); всю принесенную с собой для тайлгана еду и питье следует оставлять в виде жертвы "хозяину" на горе, назад ничего из принесенного уносить нельзя; нельзя мочиться, повернувшись лицом к горе в любой точке Торской степи, откуда эта гора видна (это относится в равной степени и к мужчинам, и к женщинам). Есть и другие запреты, более частного порядка. Наказания в случае нарушения запретов следующие. Если женщина поднялась на гору, "хозяин" портит погоду: начинается гроза, сильный ветер, ливень, особенно это плохо в период сенокоса и убборки хлеба, может сгнить скошенное сено и собранный, но не обработанный урожай. Самой женщине нарушение запрета грозит бесплодием. Несоблюдение правила, как надо правильно мочиться, женщинам также грозит бесплодием, а мужчиинам - половым бессилием. Любопытно, что данные последних лет, полученные от врачей в больницах Торской степи, подтверждают большой процент вышеназванных заболеваний в данной местности.

Однако, биография Буха-нойона на этом не заканчивается. С середины XVIII в. в Бурятию почтии одновременно проникают две мировые религии сразу: буддизм и христианство, первый - в виде учения возникшей в XV в. в Тибете школы Гелугпа (другие названия: желтошапочный ламаизм[3], школа добродетели, последователи монастыря Ге и т.д.), второе - в форме православия, официальной религии Российской империи. Однако до Тункинской долины миссионеры обеих религий добрались не сразу и жители Торской степи продолжали исповедовать свои традиционные культы на протяжении всего XVIII и даже первой трети XIX в.

Первый дацан (буддийский монастырь) был построен в Кырене (ныне это администратиивный центр Тункинского района Республики Бурятии) в 1817 г., второй - Хойморский (он же Хандагайтский) в с.Хойморы в начале XX в. В промежутке между этими двумя датами ламы-миссионеры начали и частично осуществили ламаизацию местных культов, которые обобщенно называются шаманскими, а на деле представляют некий сплав всех добуддийских культов местного населения. Взаимоотношения любой мировой религии с предшествующими ей ранними формами религии всегда развиваются по типовой схеме, достаточно хорошо изученной в мировой и отечественной науке[4], так что нет необходимости анализировать этот процесс. Нам важен лишь его результат.

Буддизм столкнулся в Тункинской котловине со следующими культами: горного хребта Саяны в целом (в культовых и мифологических текстах он именуется Мундарга) и отдельных его гор и перевалов (Мунку Сардык, Нухун Дабан и др.), "хозяев" этих гор (Бурин-хан, Хан Шаргай-нойон, Хан Буха-нойон и др.), культ местных родовых шаманов, культ великого монгольского шамана Даян Дерхе, принесенный в Тунку выходцами из Монголии - хонгодорами (главное культовое святилище Даян Дерхе находится в Хубсугульском аймаке Монголии, пограничном с Тункинским районом бурятии)[5], "хозяина дикой Северной тайги" Булганай-нойона и т.д. Однако, непосредственно к Торам имеют отношение далеко не все из них, а лишь следующие: культ Буха-нойона и Шаргай-нойона, культ шаманских предков тех родов, которые проживали в Торах, Далахае, Тагархае, а также культ "хозяина" Торской горы - Бургэ, "хозяина" р.Иркут - Ундур Сагаан-нойона, "хозяина" р.Ангары - Ангарын Аман-хан[6].

Более всего внимание лам-миссионеров привлекли самые популярные тункинские культы - Шаргай-нойона и Буха-нойона. Оба они почитались по всей долине Иркута, оба считались ханами, т.е. детьми небесных божеств тэнгри. Мифологическим отцом Буха-нойона, как уже сказано выше, был Заян Сагаан тэнгри, отцом Шаргай-нойона был Эсэге Малан-Тэнгри (досл. 'Плешивый или Высоколобый отец') - божество ясного неба, входящее в число 55 добрых западных божеств. Шаргай-нойон (досл. 'Желтый господин') послан отцом на землю защищать людей от злобных восточных тэнгри, черных заянов (духов умерших черных шаманов) и прочей нечисти. Оба персонажа имели специальные культовые места, посещаемые населением всей долины. Место совершения тайлганов и принесения жертв Шаргай-нойону находилось между селами Туран и Хойтогол (более 100 км на запад от с.Торы), но гора с белой плешью (часто ее называли Белый камень), где устраивались тайлганы в честь Буха-нойона, была непосредственно рядом с Торами.

Традиционный способ ламаизации шаманских божеств (духов, "хозяев" и пр. персонажей) был достаточно стандартным для всего монгольского региона: им меняли имя на какое-либо буддийское и придумывали биографию, главными сюжетными звеньями которой были встреча с каким-либо важным лицом в истории буддизма, обратившим шаманский персонаж в свою веру, и последующее свершение каких-либо подвигов в защиту буддийской веры. Попутно составлялся обрядовый текст, в котором описывалось, как надо совершать жертвоприношение в честь данного персонажа и какие иные божества и духи надо при этом призывать.

Все это произошло и Буха-нойоном. Буддийский монах из монгольского племени хорчит по имени Галсан Содбо был первым крупным миссионером и проповедником буддизма в Тункинской долине. С его именем связано строительство Кыренского дацана, он же занимался уничтожением и сожжением шаманских священных мест (рощ, могил) и реликвий, а также шаманских костюмов, бубнов и др. обрядовых предметов. В тех случаях, когда это делать было нецелесообразно или невозможно, он воздвигал буддийские часовни - *бумханы* на месте прежних шаманских святынь и давал им буддийские названия. Именно он переименовал Буха-нойона в Ринчин-хана и воздвиг на Белом камне бумхан в его честь[7].

Сохранились и несколько обрядовых текстов жертвопри-ношений Ринчин-хану (Буха-нойону). Это тексты двух типов - *сольчиты* (молитвы и жертвоприношения) и *сэржэмы* (жертвоприношения *золотистым напитком*, под последним имеется ввиду молочная водка). Они мало чем отличаются друг от друга: сначала перечисляются все духи, божества, дети божеств - ханы, разные географические территории, им пред-лагается отведать напиток, принять приносимую жертву и осуществить помыслы и желания просителей, совершающих жертвоприношение. Известно, что автором одного из таких сольчитов был все тот же Галсан Содбо. Автором другого, посвященного четырех тункинским ханам, в число которых входит и Ринчин-хан, был Будун Лхарамба. Его сочинение называется "Удовлетворенный лик божества".

В рукописном отделе Бурятского научного центра хранится сольчит в честь Ринчин-хана, найденный в его бумхане, где перечислены следующие имена духов и божеств, призываемых для вкушения жертвы:

Мундарга (т.е. Саяны), Великое море (т.е. Байкал), Иркут, Тунка, Ринчин-хан, его жена Хариман, 9 сыновей и 9 дочерей Ринчин-хана, Шаргай-нойон, "хозяин" горы Улаан Хабсагай, "хозяева" гор Баян, Хухуй, Бургэ, озера Улаан-нур[8].

В бумхане на Белом камне еще и сейчас хранится буддийская икона с изображением Ринчин-хана, не совпадающая, однако, с его описанием в сольчите Будун Лхарамбы. Там он описан желтым, но на иконе он белый, в белой одежде, в белой шапке, увенчанной *чандмани* (в буддийской символике это драгоценный камень, исполняющий все желания). В правой руке его копье, в левой - чандмани и веревка с крючком и петлей (орудие для ловли душ грешников). К поясу подвешены меч и лук, под одеждой виден панцирь, на ногах сапоги (*гутулы*). Сидит верхом на коне. Его спутники - жена, 9 сыновей и 9 дочерей - изображены вокруг основного персонажа иконы. По углам еще 4 батора, сидящие верхом на быке, тигре, драконе и орле. Их сопровождают хищные звери и птицы[9].

Теперь посмотрим, что принесло в Тункинскую долину православие. В 1727 г. была учреждена Иркутская епархия, в границы которой входила Тункинская долина и Торская степь. В 1827 г. в Тункинском ведомстве числилось 250 крещеных бурят. Постепенно число их росло, к 1842 г. их было уже 800, к 1905 г. - 10000[10]. Речь идет именно о крещеных бурятах, т.к. русское насление (русское казачество), появившееся здесь в первой трети XVIII в., изначально было православным. Русские жили в нескольких селах (Никольское, Шимки и др.), имели приход и православную Никольскую церковь. Причины, по которым буряты принимали крещение, достаточно общеизвестны: желание избавиться от уплаты податей, получить предоставлявшиеся при этом льготы, деньги или подарки[11]. Некоторые ради этих льгот крестились по несколько раз. Тайши и нойоны, содействовавшие крещению своих подданных, получали за это от властей Российской империи соответствующие награды: так, тункинский тайша З.Хамаков сам крестился и уговорил креститься 1000 своих сородичей, за что получил Орден Владимира 4-й степени и был причислен к дворянству[12]. Ничего удивительного что крещеные буряты воспринимали православие поверхностно, и с легкостью распростились с ним, как только представилась такая возможность. А представилась она после принятия Николаем II Манифеста от 17 октября 1905 г. "Об усовершенствовании государственного порядка", по которому населению Российской империи была дарована религиозная свобода. Буряты стали массами отходить от православия, отказались давать деньги на содержание миссионерских станов и церковных школ, сжигали православные иконы и тем самым проявляли свой протест против национальной политики царизма[13].

В Торах влияние православия никогда не было особенно сильным. Существовал Торский стан, один из 41 миссионерских станов, основанных Иркутской епархией и Забайкальской духовной миссией. Священники Торского стана сделали много полезного: открыли в Торах школу (нынешняя средняя школа-интернат села Торы, отметившая несколько лет назад свое столетие, ее наследница), изучали быт и культуру местного бурятского населения, регулярно публикуя материалы в трудах православных миссий Иркутской епархии, перевели на бурятский язык ряд христианских сочинений, в т.ч. Евангелие от Матфея (1815 г.). Среди священников были не только русские, но и буряты[14].

Не забыла православная миссия и местные шаманские культы. Отвергая их по сути своей, старалась тем не менее хрис-тианизировать объекты и места их почитания. Буха-нойон был объявлен православным святым Парфением (в память о Парфении Лемжикийском) и в честь него в 1861 г. на том же Белом камне, но только на соседнем выступе воздвигли православную часовню. Так и стояли они рядом в 10 метрах друг от друга - буддийский бумхан в честь Ринчин-хана и православная часовня в честь Св.Парфения. Таким образом на одну и ту же священную гору поднимались и совершали там свои обряды ламаисты, почитавшие Ринчин-хана, крещеные буряты, почитавшие Св.Парфения, и те, кто сохранил приверженность шаманскому культу Буха-нойона. Один и тот же персонаж почитался в трех ипостасях и это довольно частое явление в зоне Прибайкалья, где сложилось переплетение трех вышеназванных религий - шаманизма, буддизма, христианства.

Т.М.Михайлов обозначает сложившуюся у бурят ситуацию как двоеверие и троеверие[15]. Он прав, но этот тезис нуждается в уточнении. Такое троеверие не означает равноправие задействованных в нем партнеров. В менталитете бурят лидировало бесспорно шаманство, на втором месте стоял буддизм, и на порядок, если на на два, ниже - христианство.

Судьба всех трех религий в XX в. и особенно в советский период подтверждает такой расклад. Первым стало сдавать свои позиции православие, не имевшее глубоких корней, державшееся на льготах и подарках для вновь обращенных. И началось это, как было сказано выше, вскоре после Манифеста 17 окт. 1905 г. Стали закрываться миссионерские станы и школы, разрушались часовни. В начале 20-х годов рухнула и уже никогда после этого не восстанавливалась православная часовня Св.Парфения на Белом камне возле с.Торы. Кампанию по разоблачению вредных пережитков феодального прошлого - шаманства и буддизма - советская атеистическая пропаганда начала с конца 20-х гг. Никакое обновленческое движение, никакие заявления о сход-стве идей раннего буддизма и коммунизма и общности их задач[16] не спасли бурятский буддизм: к концу 30-х - началу 40-х гг. он был полностью разгромлен, дацаны закрыты, их имущество (иконы, скульптура, священные книги) уничтожено или передано в музеи, ламы репрессированы или, в

лучшем случае, возвращены в мирскую жизнь. Бурятская буддийская культура была практически уничтожена, а малая сохранившаяся ее часть на полвека ушла в подполье[17]. Однако, были разрушены дацаны, в то время как буддийские кумирни-бумханы, как правило, находившиеся в горах вдали от бдительного ока официальных властей, в значительном количестве уцелели. С моей точки зрения, дело не только и не столько в том, что они были "вдали от ока", а в том, что все они представляли собой прежние шаманские культовые места, в свое время включенные в орбиту буддийской культовой практики. Шаманство и его культовые объекты пережили за последние два-два с половиной века гонения со стороны лам, православных священников и, наконец, советских атеистов и административных властей, оказались куда более живучими и выстояли в этой борьбе. И когда с конца 80-х годов на территории бывшего СССР началось возрождение всех религий, шаманство в их ряду встало отнюдь не на последнее место.

Для восстановления шаманских культовых точек не требуется таких больших средств, как на восстановление буддийских дацанов, не требуется дорогостоящего культового инвентаря, длительного срока обучения нового поколения жрецов. Шаманами становятся по призванию, что часто определяется генетической принадлежностью к шаманскому роду. Таких, настоящих шаманов, всегда было немного, но они есть и сейчас. В конечном счете, именно их стараниями оживилась конфессиональная жизнь в Торах. Возобновились регулярные восхождения местных жителей на Белый камень с целью совершить жертвоприношение и попросить благополучия у Буха-нойона (Ринчин-хана). Ходят туда семьями, большую жертву с закланием барана (что никак не вписывается в бескровные жертвоприношения в буддизме) совершают у подножия горы в специальном месте возле бегущего с горы ручья, а затем, оставив на этом месте женщин, мужчины поднимаются на Белый камень и оставляют здесь свои жертвы - это уже только масло, пенки, печенье, конфеты, молочная водка, ибо кумирня на горе все-таки буддийская. Развалины православной часовни убраны полностью, а на ее месте возвышается вцементированный в скалу крест. Буддийская кумирня, напротив, отреставрирована, поставлена на новый фундамент, для закрепления которого на гору втащили мешок цемента[18], новая оцинкованная крыша, ярко сверкающая в лучах предзакатного солнца, видна во всех концах Торской степи. Однако, не надо тешить себя иллюзиями насчет того, что в данном культе буддизм взял верх над шаманством: Буха-нойон-бабай-Ринчин-хан был и остается персонажем народной (шаманской) мифологии бурят. Подтверждением этому служит и то, что возобновились массовые тайлганы в его честь. Первый из них был проведен в конце августа 1993 г. в местности Тагархай возле с.Далахай с участием не только тункинских, но и приехавших из других районов Бурятии шаманов[19].

Данные анкетного обследования, проведенного в Торах участниками экспедиции Института востоковедения в 1993-94 гг., показали, что двоеверие и даже троеверие сохраняется, но, как правило, в неосознанном виде. Например, человек, считающий себя буддистом, спокойно обращается к шаманам, бывает, что русские, живущие в Торах и считающие себя православными, идут, в случае болезни, то к ламам, то к шаманам. Почти все опрошенные, даже назвавшиеся атеистами, хотя бы раз в год прибегают к помощи шамана по поводу болезни детей, совершения похоронных обрядов или в связи с предстоящей куда-либо поездкой (как они говорят, "в дорогу").

В Тункинском районе уже действуют три дацана: Кыренский (открыт в 1991 г.), Аршанский (открыт в 1992 г.), Жемчугский (открыт в 1993 г.). Последний находится относительно недалеко от Тор и жители при случае и по праздникам его посещают. Для нужд русского православного населения скоро отреставрируют и откроют Никольскую церковь в с.Тунка. Это не близко (около 60 км), но при надобности добраться можно. И все же духовную жизнь Тор нельзя назвать поликонфессиональной. В ней доминирует дух шаманства и традиционной бурятской культуры, который за много десятилетий жизни бок о бок с бурятами впитало в себя и русское население. И если живущая в Торах русская гадалка и знахарка в своих заговорах и призываниях обязательно упоминает Буха-нойона, если у учительницы местной школы, всю жизнь считавшей себя закоренелой атеисткой, ставшей свидетельницей нарушения запрета и ответной реакции сакрального мира на это осквернение, происходит трансформация сознания и она вдруг понимает, что есть пласт культуры ее народа, который был ей доселе неведом, потому что она сама себя поставила вне его - это говорит о том, что традиционная культура и шаманство как ее непременная составляющая часть живы, что продолжает работать механизм передачи ее из поколения в поколение. А главное в том, что освободившись от обязанности быть "национальной по форме, социалистической по содержанию", она быстро восстановит свою основную функцию - обеспечение оптимальной адаптации общества к своей социальной и природной нише, к исторически сложившимся условиям существования.

Примечания

1 *Басилов В.Н.* Избранники духов. М., 1984. С.5-11; *Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991. С.6-19; *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма с древнейших времен по XVIII в. Новосибирск, 1980. С.3-4; *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С.84-92; *Ревуненкова Е.В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980. С.4-10.

[2] *Хангалов М.Н.* Материалы для изучения шаманства в Сибири (Шаманство у бурят Иркутской губернии//М.Н.Хангалов. Собрание сочинений. Т.1. Улан-Удэ, 1958. С.291-293, 305, 322-323 и т.д.; *Жуковская Н.Л.* Из истории религиозного синкретизма в Забайкалье//Советская этнография, 1965, N6, С.120-121; *ее же*, Бурятская мифология и ее монгольские параллели//Символика культов и ритуалов народов Зарубежной Азии. М., 1980. С.97; *ее же*, Буха-нойон-бабай//Мифы народов мира. Т.1. М., 1987. С.199-200; *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С.235-237; Ламаизм в Бурятии XVIII - начала XX в. Новосибирск, 1983. С.135-136; *Уржанов А.Д.* Об одном санагинском списке "Сэржэма" Буха-нойону на тибетском языке//Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.4. Улан-Удэ, 1970. С.129-133.

[3] О том, почему и когда исчез из научной литературы термин "ламаизм", см.: *Жуковская Н.Л.* Ламаизм//Буддизм. Словарь. М., 1992. С.158.

[4] См. сводку материалов по этому вопросу: *Жуковская Н.Л.* Ламаизм и ранние формы религии.. М., 1977. С.4-11.

[5] О культе Даян Дерхе у монголов, тункинских и закаменских бурят см.: *Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н.* Культ Даян Дерхе в Монголии и Бурятии//Традиционные верования и быт народов Сибири, XIX - начало XX в. Новосибирск, 1987. С.52-64.

[6] *Герасимова К.М.* Культ *обо* как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии//Этнографический сборник. Вып.5. Улан-Удэ, 1969. С.113-114.

[7] Ламаизм в Бурятии XVIII - начала XX в., С.137.

[8] Там же, С.138.

[9] Там же, С.139.

[10] Очерки истории культуры Бурятии. Т.1. Улан-Удэ, 1972. С.274.

[11] *Михайлов Т.М.* Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят//Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С.138.

[12] Очерки истории культуры Бурятии, С.275.

[13] Там же, С.278.

[14] *Михайлов Т.М.* Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят, С.143-144.

[15] Там же, С.145.

[16] См.: *Герасимова К.М.* Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917-1930 гг.). Улан-Удэ, 1964.

[17] *Жуковская Н.Л.* Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация 1991-1993 гг. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ N56). М., 1994. С.5-6.

[18] Остатки цемента так и лежат в мешке в кумирне; вероятно, сработал запрет не уносить назад то, что принесено для Буха-нойона.

[19] *Бильтагуров В.* Тайлган в Далахае//Саяны. Тункинская районная газета. 1993, 25 авг.

Начиная с 1994 г. исследования в Торах
проводятся при финансовой поддержке Международного научного фонда "Культурная инициатива".